

УДК 3.32

ДЕМОКРАТИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ: АКТУАЛЬНАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

© 2011 г. **В.В. Согрин***

Институт всеобщей истории РАН, Москва

В статье проанализированы основные положения нового исследования Э.Я. Баталова, посвящённого постижению демократии американской политической мыслью. Исследование оценено как в высшей степени актуальная и полезная ретроспектива осмысления демократии академическим сообществом США.

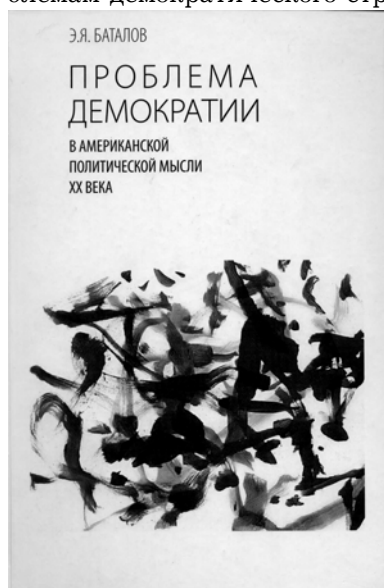
Ключевые слова: *учение о демократии, классическая модель, ревизионистская модель, демократия в США, демократия в России.*

Последние 25 лет слово *демократия* в России у всех на слуху. Нет сомнения, оно входит в десятку наиболее часто используемых политических понятий и в массовом, и в элитарном политическом сознании. Но вот отношение к нему не оставалось неизменным: от преклонения перед этим понятием российское общественное сознание дрейфовало к его неприятию, осуждению, оскорбительному переименованию (самое известное – *дерьмократия*). Изначально провозглашённое построение демократии по классическому западному образцу не заладилось и в конечном итоге с треском провалилось. В первом десятилетии XXI века российский правящий класс объявил, что классического образца демократии вообще не существует, у каждого государства и народа он свой, а у России, соответственно, есть и будет своя *суверенная демократия*. Критический отклик – у нас ведь уже была одна суверенная *советская демократия*, а каков результат? – был проигнорирован.

Очевидна и установка российского правящего класса игнорировать многовековой опыт западного демократического строительства. Есть, однако, отечественные политологи, которые игнорируют саму эту установку, пытаются всё глубже и разностороннее изучать западный опыт и извлекать из него полезные уроки и рецепты для своей страны. Среди этих политологов Эдуард Яковлевич Баталов – один из наиболее пытливых, авторитетных, квалифицированных. Новое тому свидетельство – блестящее (не побоюсь этого слова) рас-

* СОГРИН Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра Североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, главный редактор журнала «Общественные науки и современность».

крытие теоретических разработок американских политологов XX века по проблемам демократического строительства*.

Начну с главного: Э.Я. Баталову, первому среди российских учёных, удалось показать, что в американской политологической мысли существует настоящий кладёзь разнообразных (глубоких, менее глубоких, противоречивых, порой взаимоисключающих, но неизменно оригинальных и заслуживающих внимания) теорий, концепций, программ демократии. Политикам, учёным, интеллигенции тех стран, которые нацелены на демократическое обустройство, полезно их знать, соразмерять с возможностями своих народов и культур, критически осмысливать, воспринимать всё рациональное и полезное, что найдётся в них для любой нации, желающей быть демократией. Исследование Э.Я. Баталова предстаёт как в высшей степени актуальная и полезная ретроспектива пости-

жения демократии академическим и в целом интеллектуальным сообществом Соединённых Штатов, по праву считающихся её первым и на протяжении вот уже двухсот лет наиболее стабильным выразителем и носителем. Каковы же наиболее значимые результаты теоретических поисков американских исследователей демократии – значимые как для США, так и для всех её сторонников в других странах.

Э.Я. Баталов показывает, что единой демократической модели американская политическая мысль не признаёт и никогда не признавала, но при этом с самого возникновения Соединённых Штатов она разделилась в своих предпочтениях на две главные трактовки – *джефферсоновскую* и *мэдисоновскую*. Джефферсоновская модель стремилась развивать в новых исторических условиях классическую модель прямой демократии древнегреческого полисного образца. Она не отрицала того, что в такой крупной стране, как США, большая часть государственной власти должна быть делегирована избранныкам народа, но в то же время проповедовала возможность и необходимость непосредственного народоправства на уровне сельских общин, городов, дистриктов. В последующем джефферсоновская модель получила лапидарное выражение в крылатой демократической максиме А. Линкольна: «Правление народа, посредством народа, для народа». Мэдисон же доказывал, что такая модель в США нежизнеспособна и даже опасна, и государственная власть должна быть полностью делегирована народом компетентной и достойной политической элите. То была модель *элитарной демократии*. Впрочем, сам Мэдисон и его сторонники демократией её вообще не называли, предпочитая понятие *республика*. Но в последующем политическая мысль обозначила её

* **Баталов Э.Я.** Проблема демократии в американской политической мысли XX века. М.: Прогресс – Традиция, 2010. 374 с.

как *ревизионистский* вариант демократии, а за джефферсоновской моделью сохранилось определение *классической*. В диапазоне *классического – ревизионистского вариантов*, по сути, и шли поиски оптимальной демократической модели для США.

Указав на важное различие между джефферсоновской и мэдисоновской моделями, Э.Я. Баталов, вместе с тем, показывает и наличие у них принципиально схожих компонентов, которые признавались и признаются неотъемлемыми составляющими демократии в любом варианте. Назовём их, поскольку, как представляется, без этих компонентов ни одна национальная модель не может признаваться полноценной демократией. Это регулярные перевыборы всех органов власти. Это разделение и полнокровная независимость законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, без чего, как соглашались Джефферсон и Мэдисон, любая власть – хоть выборная, хоть назначаемая – вырождается в тиранию. Это наличие сдержек и противовесов во взаимоотношениях самих ветвей власти, что предотвращает опасные эксцессы и злоупотребления любой из них. Это защита прав меньшинств и личности от воли большинства, олицетворяющего народный суверенитет в любом варианте демократии. Данный компонент, воплотившийся зримо и весомо в Билле о правах, придал американской демократической модели характер *либеральной*. Подобный её характер с самого начала явился и остаётся поныне неотъемлемой чертой как классической, так и ревизионистской модели.

Основная часть монографии Э.Я. Баталова посвящена эволюции классической и ревизионистской моделей демократии в XX веке. Она прослежена на примере целой плеяды политических мыслителей, мы же уделим внимание тем из них, кто внёс наиболее весомый вклад в развитие демократической мысли и заслуживает быть поименованным классиком, независимо от того, какую модель отстаивал. Таковых также немало, при этом взгляды большей части российского читателю до сих пор оставались неизвестны или – в лучшем случае – мало известны.

Первым ярким защитником классической модели в XX веке предстаёт Джон Дьюи (1859–1952). В отношении демократии знаменитый философ-энциклопедист высказал кредо, которое, как представляется, имеет непреходящее значение для её поборников в любой стране: «демократия – нечто большее, чем просто определённая форма правления. Прежде всего это форма совместной жизни, форма взаимообмена опытом» (с. 65). *Демократия как форма совместной жизни* – именно это придаёт демократии естественно органическую основу, делает её в обществе и государстве непоколебимой. Повидимому, это идеал, который ещё не достигнут даже в высокоразвитых странах, включая США, но без продвижения к которому создание подлинно демократического общества невозможно. В России же подобные суждения о естественно органических основаниях демократии не высказываются, не говоря уже о попытках воспитания демократического образа жизни у граждан. Сколько лет ведутся разговоры о реформе школьного и высшего образования, но в его социально-гуманитарную составляющую никто подобной цели не включил. Те же цели, которые включаются, в первую очередь – воспитание

патриотизма, имеют важное значение для упрочения и поддержки государственной власти, однако к продвижению демократии отношения не имеют.

Дьюи отверг отношение к демократии как к меньшему злу среди известных форм правления (подобную оценку высказывал У. Черчилль: «Демократия – наихудшая форма правления за исключением всех остальных форм»). Американский мыслитель считал её идеальной для жизнедеятельности общества, в том числе снятия конфликтов любого толка: «При демократии в обществе постоянно растёт число людей, готовых согласовывать свои действия с действиями других и учитывать чужие интересы, определяя цель и направления своих собственных. Всё это способствует разрушению барьеров класса, расы и национальной территории, которые не дают людям осознать до конца смысл своих действий» (с. 65). Дьюи отвергал элитарную концепцию демократии, доказывая в спорах с её приверженцами, что политическая и профессиональная некомпетентность масс может снижаться путём соответствующего образования и воспитания народа, реформирования существующих политических и экономических институтов. Передача же государственной власти элитам, пусть и с помощью демократических выборов, может снижать её отчуждение от народа, но никогда такого отчуждения не снимет.

Двумя другими авторитетными выразителями классической модели демократии были Чарлз Мерриам и Гаролд Лассуэлл, представители Чикагской школы политической науки. Мерриам (1874–1953), которого многие в США почитают как родоначальника профессиональной политологии, относился к демократии коленопреклоненно: «Демократия – это наилучшая форма правления, когда-либо придуманная человеком...», «Демократия может заставить зацвести пустыню...», «...это знак и символ хорошей жизни» (с. 72). Будучи сторонником власти большинства, или *мажоритарной демократии*, как часто говорят политологи, Мерриам вместе с тем подчёркивал, что демократия предназначена прежде всего быть средством обеспечения достойного существования каждого человека. Как и в случае с Дьюи, это ярко выраженная гуманистическая трактовка смысла и назначения демократии. Оригинальный вклад Мерриама в теорию демократии выразался в последовательном обосновании возможности и целесообразности для отдельных индивидов и народа в целом воздействовать на власть, особенно на законодательную ветвь, посредством объединения в ассоциации, или группы интересов, как сказали бы сегодня. Он может рассматриваться как пионер концепции лоббизма, при этом в сугубо демократической её трактовке. Лоббировать, согласно его логике, естественно для всех ассоциаций (групп интересов), так же как естественно в гражданском обществе и соответствует самому образу американской жизни объединение в ассоциации. Демократическое же государство должно следить за тем, чтобы интересы разных ассоциаций уравнивались, приводились, по возможности, в состояние гармонии: «Именно эти давления со стороны индивида и интересов требуют выполнения государством функции обеспечения равновесия. Если бы интересы и давления уравнивались автоматически, то не было бы никакой надобности в государстве» (с. 95).

Добавим, наконец, что в эпоху «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта Мерриам счёл необходимым расширить классическую концепцию политической демо-

кратии, дополнив последнюю демократией социальной. Он сформулировал своего рода Билль социальных прав из семи пунктов и в целом выступил провозвестником, если воспользоваться опять-таки терминологией современной американской демократической мысли, дополнения «политического гражданства» «гражданством социальным» (*social citizenship*).

Оригинальный научный вклад Лассуэлла заключался в использовании при изучении демократии, как и политики в целом, бихевиористского подхода. Демократия в глазах и сознании политолога-бихевиориста разлагается на отдельные элементы, каждый из которых – состав и поведение электората, различные формы политического участия, функционирование институтов власти, деятельность политических партий, ассоциаций гражданского общества – становится объектом самостоятельного исследования, опирающегося на максимальную эмпирическую базу их поведения и функционирования. Сама же политическая реальность рассматривалась Лассуэллом как арена стихийного столкновения необузданных страстей и индивидуальных проявлений «воли к власти», в основе которых лежат иррациональные мотивы и стремление компенсировать собственную ущербность – телесную и духовную. Задача же политической науки, разделяющей демократические идеалы, – упорядочить и рационализировать политическую реальность, для чего необходимо способствовать укреплению рационального начала психики. Реализация подобной цели позволит приблизиться к подлинной демократии – «проведение справедливого курса посредством правления большинства» (с. 79). Наконец, Лассуэлл, как и Мерриам, видел *высший смысл и цель демократии в обеспечении и защите достоинства человеческой личности* («достоинство» – *«dignity»*), отмечает Э.Я. Баталов, это одно из самых часто употребляемых Лассуэллом слов (с. 81).

Какие мысли возникают при ознакомлении с взглядами трёх американских мэтров классической интерпретации демократии? Во-первых, об их противоречии с распространённым российским стереотипом восприятия США. Вопреки представлению об американцах как «бездуховной», сугубо материальной нации, способной думать и думающей только о том, как «сделать деньги», три американских мэтра думают, как о высшей ценности, исключительно о человеке, предлагая развивать демократию ради его блага, счастья, гармоничного развития. Подобный подход в российской демократической мысли пока не развит, она поглощена демократической реформой политических институтов, что, конечно, важно, но что для американских мэтров классической демократической мысли было всё же средством достижения более высокой гуманистической цели. Наконец, мэтры американской демократической мысли, которые, в глазах обществоведов из недавнего советского прошлого, были, безусловно, *буржуазными идеологами*, отнюдь не возвышали политическую демократию над экономической («социалистической») демократией, а считали необходимым их соединить.

Классическая концепция пользовалась наибольшим влиянием в первой половине XX века, но уже тогда стала постепенно уступать позиции ревизионистской концепции, добившейся наибольшего влияния во второй половине ушедшего столетия. Э.Я. Баталов признаёт объективные причины этого, а одной из главных среди них явился феномен тоталитаризма, внушившего

серьёзные опасения относительно бесконтрольного волеизъявления масс. Разве опыт прихода большевиков к власти в России, фашистов – в Германии и Италии не свидетельствовал о том, что демос политически некомпетентен, иррационален, нетерпим и нуждается в разумном просвещённом поводе? Этот и подобные ему вопросы и сомнения подвинули ведущих американских интеллектуалов к развернутой ревизии классической концепции демократии, хотя в США она и не дала такого сбоя, как в Европе и Латинской Америке. «Ревизионисты» не представляли собой единого лагеря, и Э.Я. Баталову удалось прекрасно раскрыть их идеологические и теоретические особенности. Так же как и показать, что во многих, если не в большинстве случаев восприятие концепции элитарной демократии объяснялось не только и, может быть, даже не столько приверженностью консервативным ценностям, сколько беспощадно трезвым анализом реальных возможностей и способностей политического управления у масс и элиты.

Яркое подтверждение этого – взгляды первого мэтра ревизионистского направления XX века – Йозефа Шумпетера (1883–1950). Автор знаменитого труда «Капитализм, социализм и демократия», опубликованного впервые в 1942 г.^{*}, не верил в демос, но не хотел хоронить и демократию. Напротив, он предложил спасти её, редуцировав демократию до процедуры – метода *конкурентного избрания компетентных лидеров*. «Демократический метод, – отмечал он своё элитарно-демократическое кредо, – это такое институциональное устройство, при котором индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей» (с. 114). Для концепции Шумпетера политологи подобрали новые, весьма наукообразные названия: например, *электоральная демократия*, поскольку власть народа откровенно редуцируется до процедуры выборов, или, что, по сути, то же самое, что *процедурная демократия*, ибо единственной гарантией учёта интереса народа становится демократическая процедура выбора между конкурирующими представителями элиты. Но разве подобной процедуры уже не существовало в США? Разве не подобным образом был четыре раза подряд избран президентом страны просвещённый лидер США Ф.Д. Рузвельт? Это так, но Шумпетер, обосновывая свою концепцию, думал не только о США, но и о других демократиях (сам он переехал в США из Австрии в 1932 г.), т.е. пытался сформулировать универсальную модель жизнеспособной демократии. Кроме того, при обосновании своей концепции он особенно упирал на оптимальные для выживания демократии *качества* элиты, которым прежде политическая наука специального внимания не уделяла. Отстаиваемая им концепция *открытой, компетентной, конкурирующей, отбираемой и сменяемой у власти в ходе регулярных всенародных демократических выборов элиты* с демократией вполне совмещалась. В целом же, подытоживает Э.Я. Баталов, «его теория выглядит реалистической и, по мнению ряда исследователей, гораздо более близкой к жизни, чем другие теории демократии» (с. 134). Подобное заключение Э.Я. Баталова свидетельствует о его научной непредвзятости в сравнении с типичной позицией отечественной политологии, в которой позитивные оценки

^{*} Русский перевод: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

элитарной демократии практически не встречаются. И только такой непредвзятый подход позволяет рассматривать разработки Шумпетера как полезные при осмыслении оптимальной модели для любой национальной демократии, в том числе российской.

Шумпетер считается родоначальником современного варианта элитарной демократии. У него со временем появилось большое количество единомышленников и последователей. Причём они называли свою модель не элитарной демократией, а просто демократией, поскольку полагали, что в условиях развитого индустриального, а затем постиндустриального общества это единственно возможный демократический вариант. Так рассуждал, например, знаменитый Сеймур Мартин Липсет, который дал краткую и в то же время ёмкую и понятную формулу того, что мы понимаем под элитарной демократией: «Демократия в сложном обществе может быть определена как политическая система, которая предоставляет регулярные конституционные возможности для смены властвующих лиц и как социальный механизм, который позволяет как можно большей части населения оказывать влияние на важные решения путём выбора из числа претендентов на политические посты» (с. 135). Важными критериями демократизма подобной системы Липсет считал её *эффективность* и *легитимность*, оценка же этих её качеств также вверялась избирателям, отстраняющим в ходе выборов неэффективных политических менеджеров. Подобное управление элит обладало серьёзными позитивно демократическими отличиями от той модели, которую имели в виду авторы классических элитарных схем Г. Моска и В. Парето.

Особое место среди защитников элитарной демократии Э.Я. Баталов справедливо отводит Уолтеру Липпману, который высказывал идеи, совпадающие с взглядами Шумпетера, но был, как мыслитель, неизменно самостоятелен. Кроме того, он являлся не только оригинальным политическим мыслителем, но и блестящим публицистом, что позволяло Липпману оставаться на протяжении нескольких десятилетий одним из признанных властителей умов Америки. Его невозможно зачислить в какой-либо определённый идеологический лагерь. Липпман полагался на свой в высшей степени компетентный интеллект, который-то и обеспечивал ему авторитет в самых разных социальных кругах и аудиториях. Этот национальный оракул был бескомпромиссен в вопросе о распределении властных полномочий между народом и элитой: люди «могут выбирать правительство. Они могут смещать его. Они могут одобрять или не одобрять его деятельность»... но «массы не могут править». Делать это должны избранные ими представители (с. 158).

Среди тех, кто внёс весомый вклад в элитарно-демократическую теорию, выделим также Энтони Даунса. Не только потому, что его «Экономическая теория демократии» признана в мировой политической науке классикой, но и потому, что он провёл глубокую и во многом убедительную аналогию между электоральным поведением как избирателей, так и элиты, с одной стороны, и рыночными взаимоотношениями продавцов – покупателей, с другой стороны. Политическая партия, согласно его выводам, выступает в роли продавца, который, как и любой продавец, стремится не обогатить покупателя, а продать с выгодой для себя свой товар. Избиратель же «пытается рацио-

нальным образом максимизировать свой полезный доход, включая ту его долю, которая может быть получена в результате деятельности правительства». И поддерживает ту партию, которая, с его точки зрения, способна помочь ему в решении этой задачи. При этом покупатель, как и продавец, исходит из своего эгоистического интереса, не принимая во внимание, как приход этой партии к власти может отразиться на жизни общества, да и зачастую не имея возможности (ввиду плохой информированности) судить об этом (с. 142).

Как вытекает из книги Э.Я. Баталова, особенно важную роль в развитии ревизионистского направления сыграл Р. Даль, который в последние полстолетия выдвинул, возможно, наибольшее количество не только оригинальных, но и признанных научным сообществом концепций*. Оригинальное место Даля в политической науке определялось тем, что он попытался найти «золотую середину» между ревизионистской и классической концепциями и в то же время синтезировать их лучшие и убедительные положения. В отличие от типичных ревизионистов, занимавших в отношении демократии отчётливо «функциональную» позицию и объявлявших «власть народа» неработающей утопией, Даль неизменно объявлял демократию непреходящей целью-идеалом, которого в политической практике ни одной страны пока не существует, но к которому надо стремиться. Одновременно он признал наличие в ряде стран, в том числе в США, варианта незрелой, но прочной реальной демократии, которой дал название *полиархия*.

В отличие от классической модели *мажоритарной* демократии, обосновывающей власть *большинства*, а значит, народа в целом, полиархия означает власть *многих*, под которыми понимаются индивиды, не просто наделённые избирательным правом, но способные реально влиять на власть при помощи разнообразных средств, например и особенно посредством объединения во всевозможные группы интересов и давления. Эти *многие* не обязательно представляют большинство и, кроме того, в отличие от большинства они не едины, а являют совокупность разнородных экономических, социальных, политических групп. Таким образом, полиархия, в сравнение с элитарной демократией, обладает ярко выраженным *плюралистическим* характером, что делает её более привлекательной и более демократичной. Но полиархии присущ не только плюрализм, но и важные институты, обеспечивающие *многим* реальную возможность воздействовать на власть, а значит, и управлять ею в той или иной степени.

Э.Я. Баталов, тщательно проследивший научную эволюцию Даля, обнаружил, что число таких институтов в его работах не оставалось неизменным. Если же попытаться обобщить, то их перечень может предстать в следующем виде: 1) свободные, честные, регулярно проводимые выборы и осуществляемая по воле избирателей ротация должностных лиц; 2) свобода образования и автономия общественных и политических объединений; 3) свобода выражения интересов и мнений и отзывчивость к ним власти; 4) наличие альтернативных

* Ряд книг Даля переведён на русский язык. См.: *Даль Р.* Введение в экономическую демократию. М., 1991; *Даль Р.* О демократии. М., 2001; *Даль Р.* Демократия и её критики. М., 2003.

источников информации и беспрепятственный доступ к ним; 5) всеобщие и равные гражданские и политические права; 6) право быть избранным и свобода соревноваться за голоса избирателей.

Возникает вопрос: разве этих институтов недостаточно, чтобы считаться не только полиархией, но и в полной мере зрелой демократией? Оказывается, нет. По Далю, такая зрелость предполагает ряд критериев, которые и в США, и в других полиархиях пока отсутствуют. Предлагаемые Далем критерии чем-то напоминают прямую и мажоритарную демократию, но всё же не совпадают с прокламируемыми теми атрибутами народовластия, в частности такими, как право народа на референдум и законодательную инициативу. Права непосредственного правления Далю, как и сторонники элитарной демократии, закрепляет за компетентными политическими лидерами. Вместе с тем он полагает, что, например, контрольные права народа должны расширяться. Среди критериев зрелой демократии встречается, к примеру, «контроль за повесткой дня» (с. 165). Те, кто следит за политическими дебатами в США, знают, что это один из самых «больных» вопросов американской демократии: многие полагают, что законодатели сосредотачиваются на вопросах, которые для избирателей не являются жизненно важными, и избиратели вправе влиять на повестку дня Конгресса. Далю, как видно, разделяет это мнение.

Как уже отмечалось, Далю, в отличие от типичных ревизионистов, расточает демократии дифирамбы, в частности, он составил перечень десяти главных преимуществ демократии перед всеми другими политическими системами. Лично мне они кажутся не только привлекательными, но и обоснованными: 1) демократия способствует тому, чтобы не допустить правления жестоких и аморальных диктаторов; 2) демократия гарантирует гражданам те основополагающие права и свободы, которые недемократический строй не предоставляет и предоставить не может; 3) демократия предоставляет гражданам более широкий диапазон личной свободы, чем любая иная политическая система; 4) демократия помогает людям защитить свои основополагающие интересы; 5) только демократия предоставляет личности максимальную возможность осуществить свободу самоопределения, т.е. жить по законам, которые личность выбирает для себя сама; 6) только демократическое правление предоставляет максимальные возможности для моральной ответственности; 7) демократия благоприятствует развитию личности в большей степени, чем всякая иная форма организации общества; 8) только демократическое правление способно обеспечить относительно высокий уровень политического равноправия; 9) современные представительные демократии не воюют друг с другом; 10) страны с демократическим строем являются более процветающими (с. 166–169).

Среди оригинальных разработок Далю представляется актуальной та, в которой рассматривается возможность трансформации не демократического режима в полиархию. Уделим ей внимание, поскольку это важно для характеристики современного российского режима (о нём – в конце статьи). Политический режим – антипод демократии Далю называет «закрытой гегемонией»: при нём отсутствует политическая оппозиция, а право граждан участвовать в выборах и занимать официальные должности сведено практически к нулю. В случае либерализации закрытой гегемонии и появления возможности для

деятельности легальной оппозиции, но без одновременного расширения участия граждан в политической жизни страны она трансформируется в «состязательную олигархию». В случае же допуска участия граждан в политическом процессе (в качестве избирателей), но подавления легальной оппозиции «закрытая гегемония» трансформируется во «включающую гегемонию». Оба варианта дают нации возможность, но не гарантию трансформации в полиархию (с. 162–163).

Авторитет Даля как в американской, так и в мировой политической мысли свидетельствует, помимо прочего, что она не может удовлетвориться концепцией элитарной демократии в чистом виде (при всей присущей той рациональной аргументации) и что расширение участия масс в процессе принятия решений не может быть искоренено из её теоретического арсенала. В ещё большей степени, чем компромиссный теоретический поиск Даля, об этом свидетельствуют усилия той группы политологов, которые и на современном этапе вдохновляются классической демократической формулой «правление народа, посредством народа, для народа». Наибольшую известность среди них приобрели приверженцы партиципаторной демократии («демократия участия»). Э.Я. Баталов выделил среди них таких теоретиков, как К. Пейтман, Б. Барбер, Дж. Циммерман, Дж. Фишкин, Н. Чомски, Г. Зинн. Невозможно не согласиться с Э.Я. Баталовым в том, что в основе устремлений партиципистов, как он их называет, лежит гуманизм, любовь к простому человеку, желание возвысить народ экономически, социально, культурно и политически. Отвергая тезис об угрозе, которую несёт с собой широкое участие масс в политике, партициписты настаивают на существовании прямой корреляции между политическим безразличием, некомпетентностью, неразвитым чувством политической ответственности, с одной стороны, и низким социально-экономическим статусом граждан – с другой. Измените существующее положение вещей, дайте людям шансы достойного экономического и социального существования и продвижения, допустите их к рычагам власти, и вы получите гражданина, который не только не будет представлять угрозы для стабильности системы, но будет укреплять её, – вот их гуманистический и демократический лейтмотив (с. 223).

Важное место в идейном арсенале партиципистов занимает обращение к историческому опыту демократического народного самоуправления в США на локальном уровне. Э.Я. Баталов даёт очень высокую оценку этому опыту, заключая: «Так что современным заокеанским теоретикам ничего не надо выдумывать. Достаточно обобщить и корректно оценить накопленный опыт и понять, что следует просто воспроизвести, а что – скорректировать и дополнить» (с. 222). Подобное мнение об американской «низовой» демократии вызывает некоторое сомнение, но оспаривать не буду, замечу только, что в отечественной американистике нет профессионального исследования, посвящённого теме как исторического, так и современного опыта народного самоуправления в США на локальном уровне. А подобное исследование в свете только что сказанного весьма актуально. Да и с российским опытом сравнить опыт американский было бы полезно.

Одно из новейших средств активного и перманентного вовлечения различных слоев населения в политическое управление обосновывается в теории

делиберативной демократии. Последняя, обозначаемая иногда также модным в современном общественном знании словом *дискурсивная*, означает предоставление народу широкой – от локального до национального уровня – политической трибуны для обсуждения важных общественных проблем. Как и в других случаях, Э.Я. Баталову удаётся дать ёмкую, точную, краткую и ясную характеристику нового демократического метода: «В сущности, речь идёт о том, чтобы граждане, исходя из принципа *равенства и равной компетентности, добровольно и самостоятельно*, не полагаясь на то, что делают избранные ими представители органов власти или никем не избранные чиновники, *сообща и свободно обдумывали, обсуждали волнующие их проблемы* – политические и неполитические, государственные и негосударственные, федеральные и местные – и *приходили в итоге к рационально обоснованному согласованному (консенсусному), становящемуся достоянием гласности представлению* о том, в чём заключаются эти проблемы и как они должны быть решены. При этом особо отмечается, что речь идёт не о достижении компромисса между участвующими сторонами, а именно о достижении рационально обоснованного морального консенсуса» (с. 273).

Ещё одна модель, занявшая важное место в арсенале новейшей политической мысли, – *консоциативная демократия*. За этим сложным и труднопроизносимым словом скрывается в высшей степени актуальная разработка пропорционального представительства в политической власти этнических и религиозных меньшинств. Данная модель, впервые полномерно обоснованная в 1977 г. в монографии американского политолога голландского происхождения Арендта Лейпхарта*, со временем наращивала научный и политический вес. Причина очевидна: возрастание в США и в других западных демократиях иммигрантских групп, радикально отличающихся от их коренного этнического и религиозного большинства, имело следствием нарастание взаимонепонимания и конфликтов разнородных культур, подогреваемых активизацией фундаменталистского ислама на мировой арене. Консоциативная демократия, нацеленная, главным образом, на смягчение этих конфликтов, заслуживает пристального внимания и со стороны российского общества.

В заключительной части монографии Э.Я. Баталов задаётся двумя вопросами: существует ли, с точки зрения американской политической мысли 1990–2000-х годов, демократия в самих США и существует ли она в постсоветской России? В отношении американской демократии политологи США могут быть разделены на *оптимистов* и *пессимистов* (Э.Я. Баталов предпочитает называть их *демоидеалистами* и *демонигилистами*): первые полагают, что в США существует если и не совершенная, то лучшая из известных демократий, являющаяся образцом для других стран; вторые же считают, что в Соединённых Штатах демократии нет. Э.Я. Баталов приводит весомое количество критических оценок политологов США, указывающих на недостатки американской демократии и направленные на её совершенствование. Если обобщить подобные оценки, то главными недостатками американской демократии окажутся

* Русский перевод: Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М., 1997.

следующие: 1) чрезмерное влияние бизнеса на власть; 2) невысокий уровень участия граждан в политической жизни общества, включая выборы; 3) глубокое социально-экономическое неравенство, сводящее к минимуму политическое влияние нижних экономических слоёв, состоящих в свою очередь по преимуществу из принижённых расово-этнических групп; 4) радикальный индивидуализм американских граждан, отгесняющий для них на второй план общественные интересы и потребности; 5) чрезмерные полномочия, приобретённые внутри страны институтами, призванными обеспечивать национальную безопасность США; 6) непропорционально высокое влияние в обществе и власти неизбираемых судей.

Соотношение *оптимистов* и *пессимистов* в оценке американской демократии оказывается всё же явно в пользу первых, а вот в анализе демократии российской подавляющее преимущество, безусловно, на стороне *пессимистов*. Одним из немногих оптимистов в книге Э.Я. Баталова предстает Н. Петро, который исходит из того, что в России существовала длительная национальная демократическая традиция, которая должна быть возрождена. Большинство же американских политологов, среди них самые авторитетные исследователи – русисты (в прошлом – советологи), такие как Р. Пайпс, М. Голдман, исходят из того, что в российском историко-культурном коде демократический ген отсутствует, а это является основополагающей причиной провала демократического строительства в постсоветской России. Вместе с тем многие пессимисты разделяют современный опыт демократического строительства в России на два этапа – 1990-е и 2000-е годы. По заключению одного из самых известных среди них, М. Макфолла, в 1990-е годы в России была создана *электоральная* демократия, т.е. её минималистский вариант по схеме Й. Шумпетера. Но в начале XXI века происходил демонтаж этой незрелой демократии, и Россия вернулась пусть и к обновлённому, но варианту государственного авторитаризма. «В общем, – заключает Э.Я. Баталов, – к концу второго срока президентства Путина Россия предстала в глазах американских аналитиков уже не просто в *образе плохого ученика*, но ещё и в *образе отступника от демократии* и чуть ли даже не *источника угрозы для демократического мира*» (с. 326).

Важно отметить, что при анализе американских оценок современной российской политики, как и во всех других случаях, Э.Я. Баталову присущ сбалансированный дифференцированный подход, проявляющийся, например, в выделении среди как оптимистов, так и пессимистов различающихся групп и индивидов. Так, он счёл необходимым обозначить «умеренных оптимистов», которые, опираясь на анализ разнообразных объективных факторов, прогнозируют реанимацию российского демократического строительства (с. 335–336). К этой группе аргументированно отнесён не только признанный американский «русифил» Дж. Биллингтон, но и Зб. Бжезинский, который среди отечественных политиков и политологов известен как неисправимый «русифоб».

Как явствует из исследования Э.Я. Баталова, типичным американским оценкам российского политического процесса присущ ряд методологических недостатков, главным среди которых является его «измерение» на основе демократических норм собственной страны, рассматриваемых как универсальные. Это реальный научный недостаток. Но в книге Э.Я. Баталова заключено

также то верное положение, что американская политическая мысль XX века обосновала ряд неотъемлемых свойств демократии, которые должны быть присущи любой нации, желающей именоваться таковой. Большинство из них в современной России нет. Порок многих американских русистов заключается, как представляется, не в том, что они указывают на недемократические черты российской политики, а в том, что занимают при этом назидательно-поучающую позицию, произносят, замечая или не замечая этого, «приговоры» и «выговоры», выступают в роли представителей нации, наделившей себя по собственной воле миссией построения мировой демократии.

Критический разбор Э.Я. Баталовым современных американских оценок российского политического процесса ничуть не умаляет значения реального вклада американской политической мысли XX века в демократическую теорию. Ему удалось убедительно показать, что именно американская политическая наука на протяжении последнего столетия играла главную роль в формулировании и развитии как учения о демократии, так и конкретных разработок различных вариантов демократических политических систем. В её рамках не было единства, дискуссии же соперничающих школ способствовали совершенствованию как классической, так и ревизионистской моделей демократии. Политикам, учёным, интеллигенции тех стран, которые нацелены на демократическое обустройство, полезно их знать. Книга Э.Я. Баталова даёт прекрасную возможность для такого познания.